

DOI: [10.17976/jpps/2020.04.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.05)

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В УСЛОВИЯХ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МИРОПОРЯДКА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕС И РОССИИ)

В.В. Лапкин, В.И. Пантин

ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: vvlh@politstudies.ru; **ПАНТИН Владимир Игоревич**, доктор философских наук, зав. отделом ЦСЭПИ, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: v.pantin@mail.ru

Лапкин В.В., Пантин В.И. Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России). — Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 55–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.05>

Статья поступила в редакцию: 14.04.2020. Принята к публикации: 06.05.2020

Аннотация. В статье проанализированы основные проявления глобальной социально-политической дестабилизации, связанные с растущей неэффективностью многих международных институтов и с усилением дисфункций “униполярной” модели мирового порядка. На примере ЕС и РФ исследовано влияние глобальной дестабилизации на динамику политических институтов на уровне отдельных государств и на наднациональном уровне. Проанализированы некоторые общие тенденции современной политико-институциональной динамики в странах ЕС, связанные с процессами усиления социально-политической дестабилизации. К этим тенденциям, в частности, относятся: падение эффективности традиционных политических партий, растущая поляризация партийно-политических систем; подъем популизма, евроскептицизма и правого радикализма; усиление противоречий во взаимодействии центральных и региональных политических институтов, рост сепаратистских настроений; кризис и принципиальная трансформация структуры и функционала национального государства как идеального типа (nation-state). Показано, что наднациональные политические институты ЕС в целом недостаточно эффективно отвечают на новые вызовы, связанные с инокультурной миграцией, политической поляризацией внутри европейских обществ, кризисом социального государства, глобальной эпидемией COVID-19. Проанализированы причины этой неэффективности. В России, где национальное государство западноевропейского типа по ряду причин не сформировалось, политические институты, имплантированные в 1990-е годы, претерпевают интенсивные изменения, адаптируясь к условиям глобальной дестабилизации в русле иных, нежели модель nation-state, институциональных треков, с элементами имперской социально-политической организации. Итак, первая часть исследования посвящена анализу общих проблем и симптоматики нарастающей глобальной дестабилизации с выходом на исследовательскую задачу описания в трех последующих частях в сравнительной перспективе трех кейсов институциональной динамики (ЕС как система наднациональных институтов, ЕС на уровне национальных государств и РФ как особое в институциональном плане государство, национальное по форме, но эволюционирующее в ином направлении). В заключительной части обсуждаются результаты и основные выводы исследования. Прогнозируется вступление стран ЕС и России в 2020–2030 годы в период глубоких и критически важных институциональных трансформаций и сложной адаптации к ожидаемым кардинальным изменениям миропорядка.

Ключевые слова: политические институты, политико-институциональная динамика, глобальная дестабилизация, мировой порядок, наднациональные институты, политические партии, популизм, национальное государство, Европейский союз, Россия.

Вопреки провозглашенным уже несколько десятилетий назад всеобщим целям устойчивого развития (*sustainable development*) [см. Grober 2007; Blewitt 2015], о консенсусном наборе которых можно судить по единогласно принятой в 2015 г. членами ООН “Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года”¹, реальность современного мира характеризуется скорее ярко выраженной социальной и политической дестабилизацией. Эта дестабилизация, охватывающая прежде всего институциональную сферу на всех уровнях современного глобализованного взаимодействия (национальном, суб-, супра-, транснациональном и пр.), имеет фундаментальные причины и многообразные проявления [Piketty 2014; Гринин и др. 2015; Малков, Билюга 2015; Backer, Huth 2016; Коротаев и др. 2017; Малков, Максимов 2018; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018]. Но в упомянутой выше “повестке дня” ООН этот вызов глобальной дестабилизации отчасти соотносится лишь с шестнадцатой в общем списке целью “Мир, справедливость и сильные институты”. Не слишком хорошо обстоят дела и в части интереса исследовательского сообщества к этой проблематике².

В ряду факторов такой дестабилизации фигурируют (по-видимому, в зависимости от меняющейся научной моды, дисциплинарной специализации и концептуальных предпочтений исследователя) различные рискогенные тренды современного мира: популяционные дисбалансы [Merritt 1995], катастрофический рост числа беженцев в мире [Lischer 2017], неустойчивость политического режима [Slinko et al. 2017], рост безработицы [Коротаев, Хохлова, Цирель 2018], экспансия капиталистических инноваций [Witt 2019] и т.д. Предлагаются различные варианты концептуализации дихотомии устойчивость/дестабилизация (*Sustainability vs Destabilization*), в частности на путях поиска продуктивных вариантов достижения устойчивости через институциональные неудачи и падения [Newig, Derwort, Jager 2019].

В хронологической перспективе последних десятилетий глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. резко интенсифицировал процессы дестабилизации, породив целый ряд долговременных социально-политических последствий. Этот кризис стал важной вехой и переломным моментом в динамике глобальной дестабилизации, окончательно обозначив завершение длительного, более чем полувекового тренда упрочения миропорядка, основанного на глобальном геополитическом и геоэкономическом господстве Запада. Вскоре после этого кризиса в 2011 г. началась Арабская весна. Спровоцированная целым рядом факторов (в первую очередь, ростом мировых цен на продовольствие, ударившим по беднейшим слоям населения, а также прямым и косвенным, посредством новейших информационных технологий, вмешательством из-за

¹ *Sustainable Development Goals. Knowledge Platform*. 2017. United Nations Department of Public Information. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/?menu=1300> (accessed 02.04.2020).

² Среди относительно немногочисленных исследовательских групп, систематически сконцентрировавшихся на проблемах глобальной социально-политической дестабилизации, выделяются исследователи НИУ ВШЭ под руководством А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина, особенно пристально изучающие под этим углом зрения данные всемирной статистики и эффекты Арабской весны конца 2010 – начала 2011 гг.

рубежа), она открыла для мировых и региональных держав уникальные возможности геополитической “перекройки” Ближнего Востока.

Последствия Арабской весны привели к резкому подъему международного терроризма, бурному росту числа беженцев, кровопролитным и затяжным гражданским войнам в Ливии, Сирии, Йемене. Они стали дополнительным триггером глобальной дестабилизации: массовая миграция из неблагополучных стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Африки породила миграционный кризис в Европейском союзе, активизацию международного терроризма и, в качестве ответной реакции, — подъем популизма и правого радикализма в странах ЕС [Brubaker 2017; Rydgren 2017; Вайнштейн 2017]. Параллельно приход Д. Трампа к власти в США и осуществляемая им политика, направленная на преодоление социальных и экономических последствий глобального кризиса, дополнительно дестабилизировали ситуацию во всем мире, вызвав раскол элит “глобального гегемона” на “глобалистов” и “националистов”. Эта “война элит”, начавшаяся в США и других западных странах, инициировала новые глубокие политические размежевания и расколы [Яковлев 2017; Пантин 2019].

Важной вехой глобальной дестабилизации стал также государственный переворот февраля 2014 г. в Украине. Активизация практического интереса США и стран Запада к Украине в период серьезной мировой рецессии (последствия кризиса 2008–2009 гг.) была обусловлена растущей проблемой ограниченности рынков сбыта, обострения глобальной конкуренции США с Китаем и геополитической конкуренции США с Россией на постсоветском пространстве. Западу было необходимо переориентировать на себя вектор геостратегических приоритетов Украины (второго по экономическому потенциалу постсоветского государства, ключевого геополитического “медиатора” в Восточной Европе), ослабить ее включенность в евразийское пространство, потенциал ее интеграции с Россией и КНР. За этим переворотом последовали события (вхождение Крыма в состав России, вооруженный конфликт на территории Донбасса, экономические санкции западных государств против России и российские контрсанкции), резко осложнившие отношения России и Запада и за считанные годы приведшие к практически полному разрыву экономических и геостратегических связей Украины на евразийском направлении. Усилившиеся на этом фоне информационные войны, кибервойны, дипломатические и шпионские скандалы, а также торговая война между США и Китаем способствовали еще большей социально-политической дестабилизации. Да и в дальнейшем ситуация лишь усугублялась: затяжная процедура Брекзита, серия террористических актов в странах ЕС на фоне миграционного кризиса, новый виток войны элит в США (попытки импичмента Д. Трампа), выход США из Договора по РСМД, и, наконец, глобальная эпидемия коронавируса COVID-19 и новый глобальный экономический кризис. В то же время следует напомнить, что два последних тесно связанных между собой события, инициированные еще в конце 2019 г., скорее обнажили многочисленные дисфункции мировой системы (см., например, [Лапкин 2019]) и усилили уже существовавшую социально-политическую и экономическую нестабильность, чем стали их глубинной причиной.

Итак, в последнее десятилетие очевидными и недвусмысленными проявлениями социально-политической дестабилизации стали раскол элит и нарастание политического размежевания общества в США, кризис проекта евроинтеграции и либеральной демократии, Брекзит, подъем популизма и правого

национализма в западных странах. К этому следует добавить распространение и агрессивные действия международного терроризма, рост этнополитической конфликтности внутри целого ряда стран и международной конфликтности в мире, усиление сепаратизма, гражданские войны на территории Украины, в Ливии, Сирии, Йемене, странах Тропической Африки. Факторами, дополнительно усиливающими дестабилизацию отдельных стран, регионов и мира в целом, являются климатические и другие природные изменения, пандемия COVID-19 и обусловленные реакцией на нее экономические и социально-политические потрясения в ведущих и прежде наиболее эффективных государствах, в том числе — недальновидной эгоистической политикой целого ряда правительств. Добавим к этому перечню и резкие колебания мировых цен на нефть, продолжающуюся и даже нарастающую борьбу за передел глобальных рынков, за глобальное финансовое и технологическое доминирование. Эти и многие другие факторы стимулируют затяжной характер кризисных явлений в экономике и социальной сфере, маркируя неспособность международного сообщества выработать приемлемое с точки зрения мирового развития решение стоящих перед этим сообществом стратегических задач.

Актуализация исследования политико-институциональной динамики нынешней эпохи глобальной дестабилизации обусловлена рядом причин. *Во-первых*, существует взаимозависимость между характером и эффективностью функционирования политических институтов, с одной стороны, и уровнем социально-политической стабильности (нестабильности), с другой. Эта взаимозависимость нуждается в исследовании для теоретического понимания ее нелинейной динамики и в целом современных механизмов изменения политико-государственных систем [см. Панов 2006; Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 426-434; Hale 2015; Джессоп 2019: 351-459].

Во-вторых, в условиях современной глобализации и регионализации кризис и падение эффективности политических институтов затрагивают не только модернизирующиеся незападные страны, в которых институциональная система, как правило, еще не вполне выстроена и “совершенна”, не в полной мере соответствует канонам либеральной демократии и при этом резко диссонирует с политической культурой данной страны. В последние годы глубокий институциональный кризис стал важной составляющей политической жизни развитых западных стран [Ferguson 2014], а также охватил всю международную политико-институциональную систему [Клаус 2016; Коротаев и др. 2016; Ikenberry 2018b; Witt 2019]. Иными словами, к концу второго десятилетия XXI в. весь глобализованный мир, испытывающий колоссальное давление масштабных технологических, социокультурных и геополитических перемен, оказался на пороге очередной, а вполне возможно и беспрецедентной по масштабам, кардинальной политико-институциональной трансформации, которая в перспективе изменит образ жизни и характер социальных взаимодействий во всем мире. Необходимость и закономерность такой трансформации в период 2017-2021 гг. и, шире, в период 2017-2029 гг. обоснована в рамках теории эволюционных циклов мировой системы. В рамках очередного эволюционного цикла она воплощает собою *переход к фазе революции мирового рынка, критически важный начальный период этой геополитической и геоэкономической революции* [Пантин, Лапкин 2014: 248-272, 280-288].

Наконец, *в-третьих*, в практически-политическом плане существует объективная необходимость своевременно адаптировать политические институты

(как государственные, так и международные) к условиям нестабильности и новой кризисной или посткризисной реальности. В противном случае, как показывает исторический опыт (например, опыт мировых войн, равно как и коллизии модели национально-территориального государства в XX в., см. [Лапкин 2019: 130-134]), неизбежно резкое, порою катастрофическое падение эффективности институтов и их вырождение вплоть до распада целых государств и деградации всей международной политико-институциональной системы.

Ресурсный, адаптационный и мобилизационный потенциал политических институтов, а также их способность к изменению и наращиванию своей сложности в существенной степени определяется их принадлежностью к тому или иному уровню политической организации: национальному (внутригосударственному), субнациональному, транснациональному, супранациональному или глобальному [Bruszt 2005; Giumelli 2013; Leibfried et al. 2015]. Условия глобальной социально-политической дестабилизации существенно модифицируют функционирование, возможности и направление трансформации институтов разного уровня. Так, сегодня, в ситуации нестабильности наибольший динамизм и изменчивость обретают некоторые (далеко не все) региональные и межрегиональные экономические и политические институты (такие как АСЕАН, ШОС, G20, БРИКС и целый ряд других, находящихся еще на стадии формирования, подобных “Квад 2.0”). Не менее динамично меняются также государственные институты некоторых обладающих значительным потенциалом мобилизации и адаптации стран, таких как США, Китай (КНР), Южная Корея, отчасти Япония и Россия. В то же время многие международные (глобальные) институты (например, ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ), выполняющие не только функции поддержания глобальной безопасности в гуманитарной, финансово-экономической или медико-эпидемиологической сферах, но и функции обеспечения реального межгосударственного политического диалога, — демонстрируют довольно низкую способность к изменению и адаптации к новым условиям глобальной нестабильности, низкую эффективность в поддержании межгосударственной кооперации и противостоянии новым глобальным вызовам.

Более того, прежний мировой порядок и его институциональное обеспечение переживают кризис и глубокую трансформацию [Acharya 2014; Ikenberry 2018b]. Во многом это связано с многочисленными и все возрастающими дисфункциями моноцентричной (униполярной) модели миропорядка и системы международных отношений, которая сформировалась в 1990-е годы [Layne 2012; Reich, Lebow 2014; Duncombe, Dunne 2018]. В эту модель не вписываются ни динамичное развитие Китая, Индии и ряда других незападных стран, ни постепенное ослабление ресурсного потенциала США и углубление раскола внутри американского общества и американских элит, ни ослабление позиций “коллективного Запада” в мире и характерной для него прежде “солидарности”, ни многоплановые последствия глобализации и регионализации. Реальным выходом из этого кризиса является переход к новому, полицентричному миропорядку, но мировой лидер — США изо всех сил противится такому переходу, стремясь во что бы то ни стало сохранить свою гегемонию и моноцентричную модель мироустройства, непрерывно порождающую разнообразные кризисы и конфликты [Monteiro 2012; Kai He 2012; Россия... 2015; Ikenberry 2018a; Stokes 2018]. В итоге весь мир находится сейчас в переходном состоянии, чревато различными потрясениями и кризисами, в своего рода фазе “интерлюдии” [см. Лапкин 2019], когда прежняя модель мирового по-

рядка и его институты функционируют все менее эффективно, а мотивации и импульсы к активному формированию новой модели и новых институтов еще не “вызрели”, не сформировались, не стали для политических сообществ императивом выживания в новых условиях.

Структура настоящей статьи определена исследовательской задачей анализа конкретных примеров процессов политико-институциональной трансформации. В данной статье в этом качестве выбраны страны ЕС и Россия. Выбор именно этих кейсов определялся тем, что, несмотря на географическую близость, страны ЕС и Российская Федерация демонстрируют разные политико-институциональные модели и траектории их изменения. ЕС представляет собой наднациональное экономическое и политическое образование, в котором существуют и взаимодействуют (в том числе в рамках модели так называемого многоуровневого управления, *Multi-Level Governance* (см., например, [Bruszt 2005; Bache, Bartle, Flinders 2016]) наднациональные (супранациональные), национальные и субнациональные политические институты, а в основе интеграции и институционального развития лежит неолиберальная идеология и практика. Россия представляет собой централизованное государство с элементами федерализма и очевидными проблемами, в том числе и институционального характера, во взаимоотношениях федерального центра и регионов (см., например, [Ильченко, Фадеичева 2007]). Причем заимствованные по настоянию западных стран в 1990-е годы политические институты и практики с самого начала претерпевали и продолжают претерпевать значительные изменения, связанные с иной, чем на Западе, социальной средой, другими традициями и ценностями, другой политической культурой³.

60

В то же время и страны ЕС, и Российская Федерация имеют некоторые общие исторические и культурные корни, а также опыт длительного взаимодействия друг с другом. Кроме того, они вынуждены отвечать на общие региональные и глобальные вызовы, вызванные социально-политической дестабилизацией, будь то массовая инокультурная миграция, международный терроризм, технологические и геополитические вызовы со стороны США и Китая, глобальные эпидемии и др. Поэтому, несмотря на все различия в моделях и траекториях политико-институционального развития стран ЕС и России, существуют основания для сравнительного политического анализа этих моделей, который предпринят в данной статье.

В заключительной части статьи обсуждаются предварительные результаты исследования, формулируются выводы и осторожные прогнозы.

ДИНАМИКА НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ЕС И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Как известно, наднациональные институты в Западной и Центральной Европе начали формироваться еще с 1950-х годов, но первоначально это были в основном институты, призванные обеспечить экономическую интеграцию. Ситуация начала радикально меняться с середины 1980-х годов, параллельно с разрастанием усугубленного реформами кризиса в СССР. В 1985 г. были подписаны Шенгенские соглашения о свободном передвижении товаров, капиталов и граждан, а в 1986 г. был принят Единый европейский

³ В конце 1990-х годов в исследовательском сообществе существовал заметный интерес к сравнительному анализу институтов ЕС и СНГ, в том числе в культурном и региональном аспектах (см., например, [Стрежнева 1999; Strezhneva 1999]). Но со временем он спал, возможно, ввиду нарастающих расхождений эволюционных треков институциональных трансформаций ЕС и РФ.

акт — первое существенное изменение учредительных договоров тогда еще Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Тем временем произошли роспуск Варшавского блока, “бархатные революции” в странах Восточной Европы, наконец, распад Советского Союза в конце 1991 г. и образование на постсоветском пространстве 15 независимых государств. В 1992 г. был заключен Маастрихтский договор о создании Европейского союза. ЕС стал не только экономическим, но и политическим объединением со своими наднациональными политическими институтами. Среди этих политических институтов ведущую роль играют Европейский совет — высший политический орган ЕС, Европейская комиссия — высший орган исполнительной власти ЕС, Европейский парламент, Совет Европейского союза и Суд Европейского союза.

Попытки принять Конституцию ЕС оказались безуспешными, но, несмотря на это, роль такой конституции *de facto* играет продавленный наднациональными и транснациональными элитами Лиссабонский договор, заключенный в 2007 г. В этом договоре были по-новому сформулированы принципы и цели ЕС, введены институциональные изменения наднациональных органов ЕС, впервые были определены, хотя и в самом общем виде, условия выхода стран из ЕС. Значение Лиссабонского договора для наднациональных и транснациональных европейских элит состоит в том, что в нем зафиксированы основные правовые и институциональные принципы функционирования ЕС как единого политического и экономического образования⁴. Более того, Лиссабонский договор фактически легитимизировал функционирование наднациональной бюрократии, во многом неподконтрольной не только рядовым гражданам стран ЕС, но и отдельным национальным государствам.

Новый импульс развитию наднациональных политических институтов ЕС придали обострившиеся в начале 2000-х годов проблемы безопасности в различных сферах общественной жизни, связанные с распространением международного терроризма, увеличением глобальной миграции, массовыми кибератаками, проблемами в информационной сфере, пропагандистскими, информационными и торговыми войнами. Так, в 2002 г. возникло агентство Евроюст (*Eurojust*), задачей которого является координация и сотрудничество между судебными органами стран ЕС. В 2004 г. было создано Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (*ENISA*), играющее ключевую роль в координации усилий стран ЕС по обеспечению кибербезопасности и информационной безопасности; кроме того в 2016 г. был принят общий регламент ЕС о защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*), призванный оградить персональные и корпоративные данные от их использования другими странами, в том числе США [Господарик, Пашковская 2016; Кардава 2019]. В 2007 г. в ЕС появилось Агентство по правам человека (*European Union Agency for Fundamental Rights, FRA*), а в 2010 г. — Европейский совет по системным рискам (*European Systemic Risk Board, ESRB*).

Таким образом, можно констатировать появление новых и изменение функций уже существующих наднациональных институтов ЕС в связи с возникновением новых вызовов и с обострением проблем безопасности в различных сферах жизни общества. Эти перемены стали свидетельством определенного динамизма наднациональной политико-институциональной системы

⁴ О новых перспективах интеграции, открытых Лиссабонским договором, см., например, [Арбатова 2014].

ЕС, ее способности функционировать, адаптируясь к условиям растущей социально-политической нестабильности.

В то же время наднациональные институты ЕС по мере усиления кризиса и растущей глобальной дестабилизации нередко демонстрируют низкую эффективность из-за сложной процедуры многочисленных согласований между государствами ЕС, замедленной реакции на новые вызовы и угрозы, а также из-за отрыва интересов правящих европейских элит, европейской бюрократии от интересов большинства граждан европейских стран. К тому же они проявляют склонность к взаимной конфликтности и рассогласованности решений и действий в острых кризисных ситуациях (см., например, [Herranz-Surrallés 2014]), многочисленные примеры чему можно было наблюдать как в ходе острой фазы миграционного кризиса (осень 2015 г. — середина 2016 г.), так и на пике эпидемии COVID-19.

Несмотря на большое и всевозрастающее число наднациональных институтов и бурную деятельность евробюрократии, на производство огромного количества различных документов, актов, регламентов, законов и правил, многие ключевые проблемы, возникающие перед странами ЕС в настоящий период, либо решаются слишком медленно, либо поиск решения подменяется его имитацией, с результатом, далеким от реального ответа на брошенный Сообществу вызов. В итоге в странах ЕС по-прежнему остро стоят по существу “отложенные на будущее” проблемы миграции и интеграции инокультурных иммигрантов в принимающие европейские общества, проблемы терроризма и этнополитической конфликтности, сепаратизма, евроскептицизма и т.д. Усиливается кризис социального государства и долгового кризис, углубляется раскол общества и раскол элит.

Яркими примерами обострения этих проблем являются затяжная и, фактически, незавершенная до сих пор процедура Брекзит, а также связанные с этим институциональные коррекции в сферах политики, экономики и миграции Евросоюза. Продолжается подъем правого популизма, сохраняется нестабильная (хотя и притушенная на время жесткими мерами по борьбе с эпидемией) политическая ситуация во Франции, Бельгии, Италии, Испании, Греции, Румынии. Еще одним примером является низкая эффективность в вопросах урегулирования миграционного и эпидемиологического кризисов в Европе (соответственно, 2015 и 2020 гг.), стремление наднациональных органов ЕС переложить основную тяжесть порождаемых кризисами проблем на внутригосударственные институты стран ЕС.

Как бы то ни было, наднациональные институты уже стали неотъемлемой частью политического, социального, экономического и культурного ландшафта ЕС. Но эти институты из инструмента управления в интересах государств, вступивших в процесс интеграции и отчуждающих в распоряжение этих институтов часть своих полномочий и суверенитета, претерпели закономерное, в логике институциональной интеграции, превращение. Довольно быстро они стали проявлять себя в качестве самостоятельных политических субъектов (или псевдосубъектов), диктующих свои правила, нормы, ценности всем государствам и гражданам стран ЕС, определяющих им перспективы развития⁵.

Но эта объективная логика интеграции столкнулась с инерцией политико-государственных машин крупнейших держав Европы (предельный на

⁵ Анализируя этот процесс, протекающий на наших глазах, можно наблюдать проявление описанной М. Вебером тенденции всеобщей бюрократизации [Weber 1946; Зверев 1992], в данном случае тенденции бюрократизации на наднациональном европейском уровне.

сегодняшний день вариант развития такого рода конфликта демонстрирует Брекзит) и социокультурного бэкграунда соответствующих сообществ. Это столкновение высвечивает острую проблему продвижения социокультурных институтов евроинтеграции, призванных обеспечить структурное единство европейского сообщества. Конструирование единой и целостной ценностно-нормативной основы такого сообщества неизбежно порождает конфликт и ревизует прежние, различающиеся у разных государств-членов ЕС, ценностные ориентации и поведенческие нормы. Институты евроинтеграции последовательно понуждают граждан этих государств к освоению новых единых шаблонов общественного поведения в сфере экономики, идеологии и политики (электорального поведения, поведения в чрезвычайных ситуациях и т.п.). Но эффективность этих институтов, как показывает практика, зачастую оказывается невысока, сохраняется и даже обостряется проблема гражданской лояльности и легитимации новых институтов и санкционируемых в их рамках (или в особых случаях даже выходящих за эти рамки) властных решений. И как отчетливо показал кризис весны 2020 г., надежное институциональное решение вопросов перераспределения ресурсов жизнеобеспечения и властного контроля между Евросоюзом как целым и его структурными единицами — отдельными странами-членами ЕС — так и не было найдено.

Итак, интеграционный потенциал наднациональных институтов ЕС очевидно недостаточен для полноценного “перехвата” функциональной нагрузки политических институтов отдельных национальных государств ЕС. Между первыми и вторыми существуют и совершенствуются многообразные формы взаимодействия и взаимовлияния, включающие в том числе различные частичные интеграционные структуры над- и субнационального уровня. В этих условиях реализация стратегии социально-политической интеграции Европы ведет к систематическому росту социально-политической напряженности и конфликтности, выявляя недостаточную ресурсную обеспеченность и сохраняющуюся глубокую функциональную неэффективность этих наднациональных интеграционных институтов в вопросах формирования согласованного и консолидированного взаимодействия разных уровней европейской политической системы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕС: ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Как уже отмечалось выше, одним из важных политико-институциональных трендов на уровне национальных государств ЕС стали появление и рост популярности новых лево- и правопопулистских политических партий и движений. В Италии такими партиями и движениями являются левопопулистское “Движение пяти звезд” и правопопулистская политическая партия “Лига” (бывшая “Лига Севера”), в ФРГ — праворадикальная популистская партия “Альтернатива для Германии” (АдГ), во Франции — праворадикальная партия “Национальное объединение” (*Rassemblement national*, RN, до 1 июня 2018 г. “Национальный фронт”, FN) и радикально-оппозиционное движение “желтых жилетов”, в Австрии — правопопулистская “Австрийская партия свободы” (АПС), в Нидерландах — также правопопулистская “Партия свободы” Г. Вилдерса, в Дании — популистская “Датская народная партия” (ДНП), в Финляндии — правопопулистская партия “Истинные финны”, в Польше —

праворадикальная националистическая партия “Право и справедливость” (ПиС), в Венгрии — партия “Фидес”, в Чехии — правопопулистская и анти-иммиграционная партия “Свобода и прямая демократия”. Важно отметить, что в ряде стран ЕС (в Италии, Польше, Венгрии) эти популистские партии и движения уже находятся у власти или входят в правительственные коалиции, а в других странах (например, в Нидерландах и ФРГ) они являются влиятельными оппозиционными партиями и в определенной мере участвуют в формировании политической повестки [Реструктуризация политического ландшафта... 2017; Вайнштейн 2018].

Для популистских политических партий и движений в странах ЕС характерны некоторые общие признаки. Во-первых, это радикальная критика всех традиционных, “системных” партий и отказ от всякой преемственности в отношениях с прежними политическими партиями, будь они левые, правые или центристские, попытки представить себя в качестве альтернативы всей прежней партийно-политической системе и прежней политике европейских государств. Во-вторых, это активное использование *Twitter* и других современных сетевых средств коммуникации и мобилизации граждан, громкие популистские заявления и броские лозунги, рассчитанные на молодежь и среднее поколение. В-третьих, это более или менее выраженный евроскептицизм, критика евробюрократии, наднациональных органов ЕС. Наконец, в-четвертых, для современного европейского популизма характерно критическое, негативное отношение к глобализации, стремление ограничить миграцию и в какой-то мере восстановить суверенитет национального государства и доминирующее положение его институтов в политике.

Появление и рост влияния популистских партий и движений во многих странах ЕС стали следствием кризиса прежних “системных” политических партий, “санкционировавших” передачу целого ряда важных политических полномочий на наднациональный уровень институтов ЕС. Но эти последние оказались слишком “дистанцированы” от конкретных проблем локальных сообществ и слишком увлечены технократизмом и формализованной рациональностью в своих решениях и директивах. “Системные” партии европейских стран слишком долго и слишком безапелляционно поддерживали идею “денационализации” политики и государства⁶, следуя курсом евроинтеграции и поддержки наднационального институционального строительства. Но этот своего рода демонтаж национальных институтов (точнее, движение к превращению их в символические структуры, лишённые полномочий и общественной поддержки) не компенсировался в полной мере обретением подлинного суверенитета институтами ЕС, его законодательными и исполнительными органами. Да и с их демократической легитимацией сохранялись проблемы (см., например, [Громогласова 2009; Giumelli 2013; Арбатова 2017; Новосад 2019]).

Евроинтеграция стала серьезным вызовом для институционального и политико-культурного единства традиционных национальных государств, но не смогла обеспечить последовательное движение к единому общеевропейскому государству с характерными для него институциональными атрибутами и процедурами выработки легитимированных гражданами решений. Частный, но

⁶ О тенденции денационализации государственности и соответствующих контртенденциях, а также о разноуровневых процессах разгосударствления политической системы см., например, [Джессоп 2019: 372-383; см. также: Sassen 2003].

показательный пример — коллизии вокруг создания общеевропейской армии, или же то, сколь несоразмерно скромное место занимает внешняя политика ЕС в сравнении со статусными позициями внешнеполитических ведомств ключевых государств-членов ЕС. Сегодня, перед угрозой глобальной пандемии, Европа разрывается между стремлением экстренно нарастить возможности единого общеевропейского управления и столь же ярко выраженным стремлением восстановить суверенные властные полномочия составляющих ее национальных государств.

Закономерно, что последовательная поддержка евроинтеграционного курса “системными” политическими партиями европейских стран вела к размыванию их массовой базы. Эти партии все чаще оказывались неспособными адаптироваться к новым условиям и вызовам, уступая инициативу популистам разного рода (правым, левым, “зеленым”, “аполитичным”), выводя тренд популизма на позиции политического мейнстрима (как это произошло в Италии, Франции, Соединенном Королевстве, Венгрии, Польше...)⁷.

Другой значимой тенденцией политико-институционального развития стран ЕС стало усиление роли и влияния местных и региональных органов власти в ущерб влиянию общенациональных политических институтов, рост автономистских и сепаратистских настроений и выступлений, заметно влияющих на политическую динамику. Наиболее яркими примерами такого рода являются Каталония и Страна Басков в Испании, область Венето и Ломбардия в Италии, Корсика во Франции, процессы деволюции в Соединенном Королевстве и попытки Шотландии отделиться от него путем референдума. С одной стороны, рост сепаратистских настроений нацелен на перераспределение власти и полномочий между центральными и региональными (местными) институтами, которое является объективным следствием процессов регионализации в странах ЕС. С другой, — налицо расхождение интересов и борьба за ресурсы между центральными и региональными элитами [Семененко 2016]. При этом прослеживается тенденция, связанная со стремлением ряда относительно богатых и благополучных регионов выйти из состава национальных государств, но остаться в ЕС, что прямо создает угрозу сепаратизма и/или сецессии. Попытки купировать эту угрозу, в том числе в рамках развития подходов *Multi-Level Governance* (уже упоминавшихся выше), до сих пор не приносят ощутимых результатов.

В плане угроз общеевропейскому единству следует также обратить особое внимание на множественные примеры “самобытных”, прямо противоречащих брюссельским директивам инициатив, реализуемых в сферах внутренней политики и евроинтеграционной стратегии новыми членами ЕС, прежде всего вошедшими в его состав по итогам распада СССР и “Восточного блока”. Эти новые государства в меньшей степени, нежели государства-учредители ЕЭС, ощущали конфликт общеевропейских и своих национальных институтов, сконструированных во многом с прицелом на скорое вхождение в ЕС.

⁷ Не будем забывать и то, что немалую роль в возникновении и распространении популизма в странах ЕС играет глубокий разрыв между интересами европейских транснациональных элит и интересами массовых групп населения. Как бы то ни было, но многие влиятельные в первые десятилетия после Второй мировой войны политические партии сегодня или уже окончательно сошли с политической арены, или же претерпевают глубокий кризис и в перспективе вынуждены будут пойти на глубочайшую реорганизацию и отказ от прежних фундаментальных идеологических и организационных принципов.

Серьезнее были противоречия на социокультурном, поведенческом и ценностно-нормативном уровнях. Но главные проблемы оказались связаны с поведением национальных политических элит в этих новых государствах. Эти элиты рассматривали вхождение в ЕС как возможность обеспечить свои страны на длительный период дополнительными ресурсами развития, предоставляемыми Брюсселем за счет средств Сообщества в целом. До поры эта поддержка окупала все издержки, связанные с продвижением в этих странах институциональных реформ и ценностно-поведенческих новаций. Но после кризиса 2008 г. и в условиях затяжной рецессии, лишь усилившейся после 2014 г. и начала “санкционной войны”, готовность элит этих стран к безоговорочному следованию брюссельским директивам стала снижаться, а стремление заявить о своих национальных интересах — возрастать. Наконец, в условиях усиливающегося с весны 2020 г. глобального кризиса этот тренд становится значимой угрозой процессу евроинтеграции.

Еще одной важной тенденцией является частичная деградация институтов представительной демократии в странах ЕС и формирование неформальных элитных институтов, многочисленных “мозговых центров” (*think tanks*) и информационно-пропагандистских структур, работающих в интересах правящих элит. Их прямое участие в процессах выработки политических решений и управленческих инициатив, в той мере, в которой сведения об этом становятся достоянием общественности, лишь усиливают недовольство активных групп населения проводимой социальной политикой, ведут к росту массовых протестных движений. Важным инструментом сдерживания массового протеста становятся современные манипулятивные практики (воплощенные в феномене *Fake News*), масштабное использование агрессивной пропаганды, провокаций и скандалов. В условиях глобальной дестабилизации традиционные властные элиты и финансовая олигархия стремятся любой ценой не допустить прихода во власть на волне протестных настроений неудобных оппозиционных партий и оппозиционных лидеров. Примерами такого рода в контексте европейской политики могут служить скандалы с претендовавшими на пост президента Франции Д. Стросс-Каном в 2011 г. и в 2017 г. — Ф. Фийоном. Напомним также и о намеренно устроенной провокации, направленной против лидера “Австрийской партии свободы” и бывшего вице-канцлера Х.-К. Штрахе, что привело к развалу правящей коалиции и к внеочередным выборам в Австрии в 2019 г.

Безусловно, в странах ЕС происходят важные и далеко еще не завершенные процессы изменения политического ландшафта и институционального дизайна, фрагментации политических систем и трансформации политических институтов [Арбатова 2017; Вайнштейн 2017]. Результаты подобных трансформаций не предreshены и могут быть совершенно различными — от превращения ЕС в некую “сверхдержаву” с еще большей ролью наднациональных институтов до глубокого кризиса и деградации Союза и его политических институтов. Решающую роль при этом будет играть не только то, насколько своевременными и адекватными в ближайшие годы и десятилетия будут ответы государств ЕС и его наднациональных институтов на вызовы, связанные с резким усилением глобальной и внутренней социально-политической нестабильности, но и то, насколько глубокими окажутся сотрясающие мир кризисные трансформации.

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТРЕНДЫ

Прежде чем перейти к анализу динамики политических институтов в Российской Федерации, сделаем одно необходимое предварительное замечание. В отечественной политологической литературе к началу XXI в. сложилось устойчивое мнение о том, что в новой России в соответствии с ее исторической традицией сформировались преимущественно “декоративные”, “имитационные”, “неправильные”, “государствоцентричные” институты и политические практики (см., например, [Ворожейкина 2002; Пивоваров 2006; 2015]). Однако в основе такого подхода лежит неоправданная абсолютизация “универсальности” политических институтов, сложившихся в странах Запада (см., например, [Бляхер 2003]). При этом игнорируется цивилизационная, политическая и социокультурная специфика, которая порождает в различных регионах мира разные типы развития и функционирования институтов. Более того, эта безальтернативность институциональной формы демократического национально-территориального государства как идеального образца для любых сообществ пролонгируется на обозримую историческую перспективу. Но, заметим, во-первых, современное государство как политико-институциональная форма интенсивно эволюционирует и диверсифицируется [Лапкин 2019: 130-136]. Во-вторых, возможности несовершенных с точки зрения “нормативной теории” режимов, особенно в ситуации фундаментального кризиса, явно недооцениваются, а они — немалые, как, например, показывает опыт КНР или же институциональный анализ посткоммунистических автократий [Мельвиль, Стукал, Миронюк 2013]. Наконец, в-третьих, стоит обратить внимание на неиспользуемый пока, хотя и теоретически выявленный, серьезный и во многом, быть может, спасительный для человечества в условиях глобального кризиса, потенциал “обширных, ‘имперского’ размера сетей для обеспечения общих интересов в сфере экономики, безопасности и коммуникаций” [цит. по: Коломер 2008: 43; см. также Colomer 2007]. При условии, разумеется, что мир успеет их создать и институционально оформить (на ум сразу приходит китайский “Один пояс — один путь”).

Как показывает развитие многих незападных стран (таких как Китай, Индия, Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам), их политические институты, практики и ценности существенно отличаются от институтов, практик и ценностей западных стран (см., например, [Grinin 2013; Hale 2015; Voskressenski 2017; Ефимова, Хохлова 2020]). Несмотря на это, многие незападные страны демонстрируют динамичное экономическое, социальное и политическое развитие, так как институты и практики в них соответствуют традициям и ценностям общества. Следовательно, дело заключается не только и не столько в успешном перенесении на почву других, незападных стран “образцовых” западных политических институтов, сколько в эффективном решении проблемы органичного соединения традиционных (специфичных для каждой страны) и современных институтов и практик, соответствующих доминирующим в данном обществе ценностям и политической культуре. Следует также отметить, что в России, как и в ряде других незападных стран, неформальные политические институты и практики играют гораздо большую роль, чем в западных странах [Гельман 2003; Наумкин 2013; Hale 2015; Виноградов, Рябов 2019].

Как известно, российские реформаторы 1990-х годов, как, впрочем, и их единомышленники во многих других постсоветских государствах, стремились радикально трансформировать институциональную структуру государства⁸. При этом они активно культивировали и насаждали в стране политические институты и практики, имитирующие те, что в западных странах формировались в течение многих веков, вбирая в себя специфический политико-культурный и правовой опыт их исторической эволюции. Среди этих политических институтов были институты всеобщих конкурентных выборов и многопартийности, президентства и парламентаризма, Конституционный суд и ряд других. Но вскоре выяснилось то, что можно было предсказать и заранее: новые политические институты в России функционируют не вполне так, как ожидалось, по-другому, чем в странах Запада. Ведущий российский исследователь в области институциональной политологии С.В. Патрушев так сформулировал ключевую проблему того периода: “После преобразований начала 1990-х годов российский социум оказался перед выбором: либо подстраиваться под новые правила, либо ‘перестраивать’ их под себя” [Патрушев 2019: 130]. Иная историческая традиции, иные политическая культура и ценности российского общества “обживались” в чуждой им институциональной рамке, наполняя формальные правила и процедуры содержанием, соответствующим, прежде всего, главной задаче, стоящей перед российским социумом и его политическими элитами того периода. России, во что бы то ни стало, необходимо было выйти из изоляции и наладить полноценное и эффективное взаимодействие с окружающим миром на основе рыночной экономики и норм капиталистического мироустройства. Но одновременно эти процессы сопровождались формированием множественных неэффективных, но устойчивых институтов, так называемых институциональных ловушек. Их закрепление в обществе в качестве новых норм происходило “благодаря эффекту обучения, совершенствования их исполнения, эффекту сопряжения норм и культурной инерции. Эффекты координации, обучения, сопряжения, культурная инерция и лоббирование ответственны за возникновение институциональных блокировок, распространяющихся по всему социальному и политическому полю. Институциональные изменения в 1990-2000-е годы сформировали новую ‘тропу зависимости’ — современную институциональную ловушку российской политики” [там же]. Стоит, впрочем, обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: причина этих институциональных дисфункций не сводима лишь к грузу “наследия прошлого”; в значительной степени она — в том предельно неорганичном, насильственном по отношению к обществу и ускоренном варианте институциональных преобразований, который избрали российские реформаторы и их “просвещенные” наставники.

К концу 1990-х — началу 2000-х годов выяснилось, что новые политические институты в России, как и во многих других незападных странах, стали не

⁸ На этом пути уже к 1993 г. в России фактически возникло двоевластие: с одной стороны, президент, а с другой — Съезд народных депутатов РФ, который формально обладал огромными полномочиями, но практически не отвечал за принимаемые им решения. Этот злокачественный для государства оборот событий был разрешен в ходе трагических столкновений октября 1993 г. А в декабре 1993 г. была принята новая Конституция, вручившая президенту огромные полномочия и резко ограничившая возможности нового двухпалатного парламента (Государственной Думы и Совета Федерации) контролировать президента и влиять на исполнительную власть. В результате при сохранении многопартийности в России со временем сложился особый, интегрированный в “президентскую вертикаль” институт “партии власти”, своеобразный посредник между президентом и парламентом, на длительный период исключивший угрозу “двоевластия” в стране.

столько аналогами западных институтов, сколько продолжением и развитием, адаптацией к новым условиям прежних, традиционных институтов⁹.

Разумеется, институт президентства существенно отличается от института самодержавного государя или генерального секретаря, а парламент РФ — от Верховного Совета. Высшие политические институты в России сегодня избираются путем всенародного голосования и на относительно конкурентной основе. Тем не менее, связь новых политических институтов с прежними очевидна. В их основе и сегодня лежат государственный патернализм, недоверие большинства населения к политическим партиям и местному чиновничеству, сохраняющиеся у значительной части российских граждан опасения радикальных политических изменений.

Пройденный Россией за последние почти уже тридцать лет путь институционального строительства позволяет с большой долей уверенности утверждать, что, в отличие от западноевропейских стран и США, в России не сформировалось и вряд ли сформируется в будущем национальное государство. Это связано не только с имперским прошлым России, но прежде всего с полиэтничностью, поликультурностью и поликонфессиональностью ее населения, при всем этом многообразии дорожащего сформировавшимся за долгие столетия единством (единством не национальным, а, скорее, культурно-цивилизационным; поэтому общество так болезненно воспринимает до сих пор распад СССР). А также — с ее огромной территорией и наличием разных по своему характеру и политико-правовому статусу (области, республики, края и др.) региональных образований. Появление столь структурно сложной территориальной организации во многом обусловлено стремлением к компромиссу между институциональной формой, имитирующей западноевропейские образцы, и по-имперски сформированным социумом.

Процесс такого “неклассического” (по западноевропейским меркам) институционального строительства протекает весьма динамично. Политические институты в России вряд ли можно признать стабильными и неизменными, анализ политической практики опровергает подобные умозрения (см., например, [Nale 2015; Виноградов, Рябов 2019]). В условиях глобализации и регионализации, растущей внутренней и глобальной нестабильности политические институты в России вынуждены адаптироваться к новым реалиям и постепенно трансформироваться. Их изменения носят подчас разнонаправленный и иногда противоречивый характер. Так, после 2014 г. в связи с событиями на территории Украины, вызвавшими общее обострение отношений России с США и другими западными странами, возросли роль и полномочия силовых структур, ослабло влияние политиков либерального, прозападного толка, стали меняться латентные “правила игры” в элитной среде. Усилились процессы “превентивной адаптации” формальных и неформальных политических институтов к новым условиям глобальной нестабильности. Эти перемены повлияли на характер функционирования Общественной палаты и Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, инициировали по-

⁹ В случае России в их числе стоит, например, упомянуть институт самодержавной власти, институт “партии власти”, “вертикали власти”, институциональные особенности федеративных отношений, ориентированных на сохранение социокультурного и этнонационального разнообразия регионов и отодвигающих “на периферию внутренней политики” вопросы формирования единой российской нации.

явление новых политических партий и движений (например, “Партии роста”, “За правду” и др.). В том же ряду стоят, несомненно, и формирование институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и смена правительства в начале 2020 г., а также внесение в Конституцию предложенных Президентом РФ в январе 2020 г. поправок. Эти поправки, уже получившие одобрение всех полномочных политико-правовых инстанций, направлены на определенное увеличение полномочий Государственной Думы, Совета Федерации, Конституционного суда и Государственного совета и выработку более надежного баланса между ними. Параллельно с этим в условиях общей дестабилизации происходит интенсивное, хотя и латентное изменение соотношения сил между различными группировками российской элиты.

Очевидно, что в начале 2020-х годов России, как и многим другим странам, предстоит столкнуться с принципиально новыми вызовами и рисками, вызванными глобальной нестабильностью, масштабными технологическими, социальными, культурными и геополитическими сдвигами, биологическими и экологическими угрозами безопасности, а также процессами изменения мирового порядка. С этими глобальными вызовами и рисками тесно переплетаются внутренние вызовы, связанные с низкой эффективностью многих политических и экономических институтов, с многочисленными размежеваниями и расколами в российском обществе, с незавершенностью политической, экономической и социальной трансформации России, с непоследовательной и противоречивой политикой государства в различных сферах общественной жизни. Ее политическое руководство по-прежнему разрывается между, с одной стороны, политикой зависимости и даже подчинения навязываемым глобальным гегемоном правилам и нормам финансово-экономического взаимодействия, и, с другой, — стремлением к суверенной политике защиты интересов государства и наращивания экономического и культурного потенциала российского общества. Столь длительное время сохраняющееся противоречие в политике противостояния внешним (глобальным) и внутренним вызовам может, как это уже не раз было в российской истории, привести к глубоким кризисным потрясениям вплоть до реальной угрозы распада государства и фактической деградации общества.

В этой сложной ситуации России вынуждена будет в очередной раз искать проход “между Сциллой и Харибдой” — между потребностью сохранения внутривнутриполитической, социальной стабильности и острой необходимостью серьезных политико-институциональных преобразований. Основная опасность здесь — риск запоздать с необходимыми и уже назревшими политико-институциональными изменениями.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Несмотря на отмеченные выше глубокие, подчас принципиальные различия политических институтов в странах ЕС и в России, в обоих рассматриваемых случаях налицо начавшиеся глубокие политико-институциональные трансформации, вызванные как резким усилением глобальной нестабильности, так и внутренними процессами, внутриэлитными расколами, ростом противоречий между интересами элит и массовых групп. Формы и направления этих трансформаций в странах ЕС и в России существенно различаются, но при этом и зрелые политические институты в европейских странах, и незрелые, формирующиеся, сочетающие в себе противоречивые начала институты в России переживают переходный кризисный период.

В условиях меняющегося миропорядка интеграционная модель, олицетворяемая ЕС, постепенно утрачивает свою эффективность. Но одновременно кризисные трансформации претерпевает и институт национального государства, испытывающий возрастающее конкурентное институциональное давление со стороны разнообразных региональных экономических и политических союзов (ЕС, НАФТА, ЕАЭС, АТС, АСЕАН, “Квад 2.0” и др.). В России, в отличие от ЕС, проблема совершенствования институтов национального государства фактически снята, и актуализируется, напротив, задача совершенствования институтов централизованного управления, *de facto* неоимперской природы, более соответствующих потребностям быстрого реагирования на многочисленные новые внешние и внутренние вызовы и угрозы. Но с другой стороны, избыточная (особенно с учетом произошедших в российском обществе изменений политической и хозяйственно-правовой культуры) политическая централизация делает российскую политико-институциональную систему весьма уязвимой, подверженной различным рискам. Эти риски тем более возрастают ввиду слабой связи между высшей властью и основной массой населения, сохраняющихся в обществе социокультурных и политических расколов, огромных различий в уровне и качестве жизни между российскими регионами, а также ввиду отсутствия современных институтов партийно-политического представительства, как на федеральном, так и, особенно, на местном уровнях. Задачи сохранения стабильности и управляемости страны при условии наращивания динамики преобразований требуют формирования новых политических институтов и практик, новых норм и процедур взаимодействия между высшей властью и обществом, между Центром и регионами, а также ответственного перед избирателями и эффективного местного самоуправления.

Можно прогнозировать, что в ближайшие годы и десятилетия динамизм институциональных трансформаций в странах ЕС и в России будет возрастать в связи с усилением глобальной и региональной социально-политической и экономической нестабильности. Особенно глубокие и критически важные для политических институтов стран ЕС и России изменения вероятнее всего произойдут в ближайшее десятилетие, так как именно в этот переходный и переломный период будут происходить масштабные технологические, социальные и геополитические сдвиги в мире, изменение базовых принципов миропорядка. Международная система национально-территориальных государств претерпит значительные изменения, возрастет роль качественно обновленных региональных и межрегиональных союзов, формирующих основы новой архитектуры миропорядка. Однако и это будет лишь началом последующих политико-институциональных сдвигов и изменения всего внутривнутриполитического и геополитического ландшафта привычного нам мира.

Как показывает анализ структуры циклов эволюции мировой системы [Пантин, Лапкин 2014: 280-281, 284-288, 404-416], на ближайшие два десятилетия можно прогнозировать прохождение ею целого ряда кризисных, поворотных точек развития (наиболее значимыми станут 2020-2021 гг., 2024-2025 гг., 2029-2030 гг., 2033-2034 гг., 2041-2042 гг.). В каждой из них в той или иной степени будет наблюдаться новое усиление нестабильности на глобальном и национально-государственном уровнях, связанное с процессами переформатирования миропорядка и его институционального обеспечения. В эти переломные годы перед ведущими государствами (в том числе перед США,

Китаем, странами ЕС, Россией) будут возникать разнообразные альтернативы развития. Однако на глобальном уровне важнейшей на протяжении всего этого периода будет оставаться альтернатива: сохранение униполярной vs строительство полицентричной модели мироустройства. Первая будет тянуть за собою цепь разрушительных региональных конфликтов. Вторая — даст шанс нащупать иные, более гибкие институциональные формы миропорядка, более восприимчивые к культурному и социально-политическому многообразию современного мира, которое и является залогом его эволюционного и динамичного развития. В первый из этих кризисных, поворотных периодов мир уже вступил, со всею остротой ощутив “неожиданный” вызов, обусловленный стремительным ростом в последние десятилетия “тотальности” современного национального государства (причем этот рост был тем стремительнее, чем “современнее” представлялся его институциональный дизайн). Государство последовательно брало под свой контроль все те сферы жизни, которые прежде считались общественными и приватными (образование, здравоохранение, заботу о стариках и детях, — вплоть до вмешательства в дела семьи). Сегодняшний кризис выявил (если брать его социально-экономическую, но не эпидемиологическую составляющую) серьезные издержки этой экспансии капиталистического государства в сферу общественных интересов (причем наибольший удар кризиса принимают сегодня на себя именно общества, сформировавшиеся в “развитых” государствах). Быть может, кризис побудит общество к пересмотру своей прежде потребительской позиции, к более активной борьбе за возвращение себе контроля над рынками, за подчинение, — словами К. Поланьи — глобального развития требованиям человеческой природы. Быть может...

DOI: [10.17976/jpps/2020.04.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.05)

GLOBAL DYNAMICS OF POLITICAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE DESTABILIZING WORLD ORDER (CASES OF THE EU AND RUSSIA)

V.V. Lapkin¹, V.I. Pantin¹

¹*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LAPKIN, Vladimir Valentinovich, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: vvlh@politstudies.ru; **PANTIN, Vladimir Igorevich**, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: v.pantin@mail.ru

Lapkin V.V., Pantin V.I. Global Dynamics of Political Institutions in the Context of the Destabilizing World Order (cases of the EU and Russia). — Polis. Political Studies. 2020. No. 4. P. 55-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.05>

Received: 14.04.2020. Accepted: 06.05.2020

Abstract. The article analyzes how global socio-political destabilization manifests itself, and how this is associated with the growing inefficiency of many international institutions due to an increasingly dysfunctional “unipolar” world order model. By focusing on the examples of the EU and the Russian Federation, this article studies the influence of global destabilization on the dynamics of political institutions both on the level of individual states and on the supranational level. Some general characteristics defining the modern political and institutional dynamics across EU countries are analyzed; these are associated with processes for strengthening socio-political destabilization. These trends, in particular, include: the decline in the effectiveness of traditional political parties, the growing polarization of party-political systems; the rise of populism,

eurocepticism and right-wing radicalism; intensified contradictions in interactions between central and regional political institutions, amidst the growth of separatist sentiments; and the collapse and fundamental transformation of the structure and functions of the national state (nation-state) as an “ideal”. It is shown that the supranational political institutions of the EU as a whole are not effective enough in responding to the new challenges of external cultural migration, political polarization within European societies, the crisis of the social state, and the global COVID-19 epidemic. The reasons for this inefficiency are analyzed. In Russia, which is yet to fully take the form of a Western European-type nation-state, the political institutions introduced in the 1990s are undergoing intensive changes, adapting to this global destabilization in accordance with the model of institutional tracks that is different from the model of the national state. This involves applying elements of an imperial socio-political organization. Therefore, the first part of the study is devoted to the analysis of the problems and symptoms of increasing global destabilization and the formulation of the research problem; this is then solved in the next three parts. In a comparative perspective, three cases of institutional dynamics were studied: the EU as a whole, the EU at the level of national states, and the Russian Federation as a paradoxical state (national in form, but evolving in a different direction). The final part discusses the results and main findings of the study. From 2020 to 2030, as the EU and Russia are entering a period of deep and critical institutional, it is predicted that they must transform and adapt to the upcoming dramatic remodeling of the world order.

Keywords: political institutions, political and institutional dynamics, global destabilization, world order, supranational institutions, political parties, populism, nation state, European Union, Russia.

References

- Acharya A. 2014. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 150 p.
- Bache I., Bartle I., Flinders M. 2016. Multi-Level Governance. — *Handbook on Theories of Governance*. Ed. by C. Ansell, J. Torfing. Cheltenham, United Kingdom: Edward Elgar Publishing. P. 486-498.
- Backer D.A., Huth P.K. 2016. The Peace and Conflict Instability Ledger: Ranking States on Future Risks. — *Peace and Conflict*. New York: Routledge. P. 128-143.
- Blewitt J. 2015. *Understanding Sustainable Development*. London: Routledge. 406 p.
- Brubaker R. 2017. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. — *Ethnic and Racial Studies*. No. 8. P. 1191-1226. <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>
- Bruszt L. 2005. *Governing Sub-National/Regional Institutional Change: Evolution of Regional (Sub-National) Development Regimes-Challenges for Institution Building in the Cee Countries and Sub-National Institutional Experimentation*. Budapest: Central European University.
- Colomer J.M. 2007. *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. London; New York: Routledge. 114 p.
- Duncombe C., Dunne T. 2018. After Liberal World Order. — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 25-42. <https://doi.org/10.1093/ia/iix234>
- Ferguson N. 2014. *The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die*. London: Penguin Books. 192 p.
- Giumelli F. 2013. Beyond Intergovernmentalism: The Europeanization of Restrictive Measures? — *Journal of Contemporary European Research*. Vol. 9. No. 3. P. 390-405.
- Grinin L.E. 2013. The Tiger and Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. — *Journal of Globalization Studies*. Vol. 4. No. 1. P. 5-31.
- Grober U. 2007. *Deep Roots — a Conceptual History of “Sustainable Development” (Nachhaltigkeit)*. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2007/p07-002.pdf> (accessed 19.05.2020).
- Hale H.E. 2015. *Patronal Politics: Eurasian Regimes Dynamics in Comparative Prospective*. New York: Cambridge University Press. 542 p.
- Herranz-Surrallés A. 2014. The EU’s Multilevel Parliamentary (Battle) Field: Inter-Parliamentary Cooperation and Conflict in Foreign and Security Policy. — *West European Politics*. Vol. 37. No. 5. P. 957-975. <https://doi.org/10.1080/01402382.2014.884755>
- Ikenberry G.J. 2018a. Reflections on After Victory. — *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 21. No. 1. 5-19. <https://doi.org/10.1177/1369148118791402>
- Ikenberry G.J. 2018b. The End of Liberal International Order? — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7-23. <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>
- Kai He. 2012. Undermining Adversaries: Unipolarity, Threat Perception, and Negative Balancing Strategies after the Cold War. — *Security Studies*. Vol. 21. No. 2. P. 154-191. <https://doi.org/10.1080/09636412.2012.679201>

- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. 2018. A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. — *Democracy and Security*. Vol. 14. No. 4. P. 331-357. <https://doi.org/10.1080/17419166.2018.1517337>
- Layne Ch. 2012. This Time Its Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana. — *International Studies Quarterly*. Vol. 56. No. 1. P. 203-213. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>
- Leibfried S., Huber E., Lange M., Levy J. D., Nullmeier F., Stephens J.D. 2015. *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. Oxford: Oxford University Press. xxviii, 898 p.
- Lischer S.K. 2017. The Global Refugee Crisis: Regional Destabilization & Humanitarian Protection. — *Daedalus*. Vol. 146. No. 4. P. 85-97. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00461
- Merritt R.L. 1995. Population Imbalance and Political Destabilization. — *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. Vol. 16. No. 4. P. 405-425. <https://doi.org/10.1177/019251219501600406>
- Monteiro N.P. 2012. Unrest Assured: Why Unipolarity Is Not Peaceful. — *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 36. No. 3. P. 9-40. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00064
- New J., Derwort P., Jager N.W. 2019. Sustainability Through Institutional Failure and Decline? Archetypes of Productive Pathways. — *Ecology and Society*. Vol. 24. No. 1. <https://doi.org/10.5751/ES-10700-240118>
- Piketty T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press. 685 p.
- Reich S., Lebow R.N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power an Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 p.
- Rydgren J. 2017. Radical Right-Wing Parties in Europe. What's Populism Got to Do with It? — *Journal of Language and Politics*. No. 4. P. 485-496. <https://doi.org/10.1075/jlp.17024.ryd>
- Sassen S. 2003. Globalization or denationalization? — *Review of International Political Economy*. Vol. 10. No. 1. P. 1-22. <https://doi.org/10.1080/0969229032000048853>
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. 2017. Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis. — *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. No. 1. P. 26-50. <https://doi.org/10.1177/1069397116676485>
- Stokes D. 2018. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 133-150. <https://doi.org/10.1093/ia/iix238>
- Strezhneva M.V. 1999. *Social Culture and Regional Governance: Comparison of the European Union and Post-Soviet Experiences*. New York: Nova Science Publishers. 273 p.
- Voskressenski A.D. 2017. Chapter 16: General Rules and National Specifics in Non-Western Democracy. — *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Ed. by A.D. Voskressenski. Singapore: World Scientific. P. 595-666. https://doi.org/10.1142/9789813147386_0017
- Weber M. 1946. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Oxford University Press. 448 p.
- Witt U. 2019. *Innovative Expansion of Capitalism and Global Institutional Destabilization*. URL: <https://sase.confex.com/sase/2019/meetingapp.cgi/Paper/11255> (accessed 11.05.2020).
- Arbatova N. 2017. Future of European Integration in the Context of Internal and External Crises. — *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 10. P. 57-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65>
- Arbatova N.K. 2014. Krizis kak katalizator evropeiskoi integratsii [The Crisis as a Catalyst for European Integration]. — *Globalnaya perestroika* [Global Perestroika]. Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. Moscow: Ves' Mir Publ. P. 341-362. (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. 2003. Power Games in a Crisis-Stricken Sotium: Transformation of the Russian Institutional Structure. — *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 63-73. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.06>
- Colomer J.M. 2008. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. (Russ. ed.: Colomer J.M. Velikie imperii, malye natsii: neyasnoe budushchee suverennogo gosudarstva. Abstract. — *Political Science (RU)*. No. 4. P. 42-61).
- Efimova L., Khokhlova N. 2020. Conceptualisation of "Asian Values" in Malaysia and Singapore. — *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 1. P. 91-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-91-98>
- Gelman V.Ya. 2003. Institutional Construction and Informal Institutions in Modern Russian Politics. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 6-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.02>
- Gospodarik Yu.P., Pashkovskaya M.V. 2016. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya bezopasnost'* [International Economic Security]. Moscow: Universitet "Sinergiya". 416 p. (In Russ.)
- Grinin L.E., Korotaev A.V., Isaev L.M., Shishkina A.R. 2015. Reconfiguration of the World System and Increased Risks of Political Instability. — *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*. Vol. 6. P. 4-19. (In Russ.)

- Gromoglasova E.S. 2009. *Teoriya i praktika politicheskogo upravleniya v Evropeiskom Soyuze* [Theory and Practice of Political Governance in the European Union]. Moscow: IMEMO RAS. 116 p. (In Russ.)
- Il'chenko M.S., Fadeicheva M.A. 2007. Rossiiskii federalizm: formal'nye deklaratsii i neformal'nye praktiki [Russian Federalism: Formal Declarations and Informal Practices]. — *Federalizm i tsentralizatsiya* [Federalism and Centralization]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение Rossiiskoi akademii nauk. P. 43-58. (In Russ.)
- Jessop B. The State: Past, Present, Future. (Russ. ed.: Jessop B. *Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo").
- Kardava N.V. 2019. Cybersecurity Policy in the European Union: National and Supranational Levels. — *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. No. 3. P. 73-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-073-078>
- Klaus V. 2016. The Future of International Development Institutions: Can Their Failures Be Even Greater? — *Mir peremen*. No. 1. P. 8-10. (In Russ.)
- Korotaev A.V., Grinin L.E., Isaev L.M., Bilyuga S.E., Vas'kin I.A., Slin'ko E.V., Shishkina A.R., Meshcherina K.V. 2017. *Destabilizatsiya: global'nye, natsional'nye, prirodnye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: Global, National, Natural Factors and Mechanisms]. Moscow: Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva "Uchitel". 344 p. (In Russ.)
- Korotayev A., Khokhlova A., Tsirel S. 2018. Unemployment as a Predictor of Socio-Political Destabilization in Western and Eastern Europe. — *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 2. P. 118-166. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-117-166>
- Korotayev A.V., Slin'ko E.V., Shul'gin S.G., Bilyuga S.E. 2016. Intermediate Types of Political Regimes and Socio-Political Instability: Quantitative Cross-National Analysis. — *Politeia*. No. 3(82). P. 31-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-31-51>
- Lapkin V.V. 2019. Global Interlude: from Unipolar Dysfunction to a New World Order. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 128-144. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.10>
- Malkov S.Yu., Bilyuga S.E. 2015. The Model of Sustainability / Destabilization of Political Systems. — *Informatsionnye voyny*. Vol. 33. No. 1. P. 7-18. (In Russ.)
- Malkov S.Yu., Maksimov A.A. 2018. The Contours of the Coming World Order. — *Istoriya i sovremennost'*. No. 4. P. 3-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.30884/iis/2018.04.01>
- Melville A.Yu., Stukal D.K., Mironyuk M.G. 2013. "King of the Hill", or Why Bad Institutions in Post-Communist Autocracies. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 125-143. (In Russ.)
- Naumkin V.V. 2013. *Arabskii mir, islam i Rossiya: proshloe i nastoyashchee* [Arab World, Islam and Russia: Past and Present]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 526 p. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders. (Russ. ed.: North D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki*. Moscow: Gaidar Institute Press. 2011. 479 p.)
- Novosad T. 2019. EU Decision-Making Mechanisms: Current Trends. — *Contemporary Europe*. No. 3. P. 190-196. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019190196>
- Panov P.V. 2006. Institutsional'nye transformatsii [Institutional Transformations]. — *Institutsional'naya politologiya: sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii* [Institutional Political Science: Modern Institutionalism and the Political Transformation of Russia]. Ed. by S.V. Patrushev. Moscow: ISP RAS. P. 64-74. (In Russ.)
- Pantin V.I. 2019. Political Cleavages and Splits in Modern Societies. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20. No. 3. P. 28-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-28-40>
- Pantin V.I., Lapkin V.V. 2014. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical Forecasting in the 21st Century: Kondratieff's Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development]. Dubna: Phoenix-plus. 456 p. (In Russ.)
- Patrushev S.V. 2019. Institutsionalizm i neoinstitutsionalizm [Institutionalism and Neoinstitutionalism]. — *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya: Nauchnoe izdanie* [Contemporary Political Science: Methodology: Scientific Publication]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. Moscow: Aspect Press. P. 101-137.
- Pivovarov Yu.S. 2006. *Russkaya politika v ee istoricheskom i kul'turnom otноsheniyakh* [Russian Politics in Its Historical and Cultural Relations]. Moscow: ROSSPEN. 168 p. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. 2014. *Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe* [Russian Present and Soviet Past]. Moscow — St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, University Book. 336 p. (In Russ.)
- Restrukturizatsiya politicheskogo landshafta evropeiskikh gosudarstv* [Restructuring of the Political Landscape of European States]. 2017. Ed. by V.G. Baranovskii, I.Ya. Kobrinskaya. Moscow: IMEMO RAS. 69 p. (In Russ.)
- Rossiya v global'noi politike. Novye pravila igry bez pravil* [Russia in Global Politics. New Rules of the Game Without Rules]. 2015. Ed. by F. Luk'yanov. Moscow: EKSMO. 384 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. 2016. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 8-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

- Strezhneva M.V. 1999. *Evropeiskii soyuz i SNG: sravnitel'nyi analiz institutov* [European Union and CIS: Institutional Benchmarking]. Moscow: MONF. 265 p. (In Russ.)
- Vainshtein G. 2018. European Populism in the Late 2010s. — *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 3. P. 29-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38>
- Vainshtein G.I. 2017. Modern Populism as a Subject of Political Science. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 69-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>
- Vinogradov A.V., Ryabov A.V. 2019. Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 69-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
- Vorozheykina T.Ye. 2002. State and Society in Russia: the State-Centric Development Mould Exhausted. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 60-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.04.04>
- Yakovlev P. 2017. "The Trump Factor" and the Changing Face of Globalization. — *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 7. P. 5-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-5-14>
- Zverev A.F. 1992. The Theory of Bureaucracy from M. Weber to L. von Mises. — *Gosudarstvo i pravo*. No. 1. P. 89-95. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Арбатова Н.К. 2014. Кризис как катализатор европейской интеграции. — *Глобальная перестройка*. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир. С. 341-362.
- Арбатова Н. 2017. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 10. С. 57-65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-57-65>
- Бляхер Л.Е. 2003. Властные игры в кризисном социуме: преобразования российской институциональной структуры. — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 63-73. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.01.06>
- Вайнштейн Г. 2017. Современный популизм как объект политологического анализа. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 69-89. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>
- Вайнштейн Г. 2018. Европейский популизм в конце 2010-х. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 3. С. 29-38. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38>
- Виноградов А.В., Рябов А.В. 2019. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 69-86. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
- Ворожейкина Т.Е. 2002. Государство и общество в России: исчерпание государственноцентричной матрицы развития. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 60-65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.04.04>
- Гельман В.Я. 2003. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.04.02>
- Господарик Ю.П., Пашковская М.В. 2016. *Международная экономическая безопасность*. М.: Университет "Синергия". 416 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2015. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 6. С. 4-19.
- Громогласова Е.С. 2009. *Теория и практика политического управления в Европейском союзе*. М: ИМЭМО РАН. 116 с.
- Джессоп Б. 2019. *Государство: прошлое, настоящее и будущее*. М.: Издательский дом "Дело". 504 с.
- Ефимова Л., Хохлова Н. 2020. Концептуализация "азиатских ценностей" в Малайзии и Сингапуре. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 1. С. 91-98. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-91-98>
- Зверев А.Ф. 1992. Теория бюрократии от М. Вебера к Л. фон Мизесу. — *Государство и право*. № 1. С. 89-95.
- Ильченко М.С., Фадеичева М.А. 2007. Российский федерализм: формальные декларации и неформальные практики. — *Федерализм и централизация*. Екатеринбург: УрО РАН. С. 43-58.
- Кардава Н.В. 2019. Политика обеспечения кибербезопасности в Европейском союзе: национальный и наднациональный уровни. — *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 3. С. 73-78. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-073-078>

Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Васькин И.А., Слинко Е.В., Шишкина А.Р., Мещерина К.В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Московская редакция издательства “Учитель”. 344 с.

Коротаев А.В., Слинко Е.В., Шульгин С.Г., Билюга С.Э. 2016. Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность. Опыт количественного кросс-национального анализа. — *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 3. С. 31-52. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-31-51>

Коротаев А.В., Хохлова А.А., Цирель С.В. 2018. Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы. — *Экономическая социология*. Т. 19. № 2. С. 118-166. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-117-166>

Клаус В. 2016. Будущее международных институтов развития: могут ли их неудачи быть еще большими? — *Мир перемен*. № 1. С. 8-10.

Коломер Ж. 2008. Великие империи, малые нации: неясное будущее суверенного государства (реферат). — *Политическая наука*. № 4. С. 42-61.

Лапкин В.В. 2019. Глобальная интерлюдия: от униполярной дисфункции к новому миропорядку. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 128-143. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.10>

Малков С.Ю., Билюга С.Э. 2015. Модель устойчивости / дестабилизации политических систем. — *Информационные войны*. Т. 33. № 1. С. 7-18.

Малков С.Ю., Максимов А.А. 2018. Контуры грядущего миропорядка. — *История и современность*. № 4. С. 3-29. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.04.01>

Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Мироноук М.Г. 2013. “Царь горы”, или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 125-143.

Наумкин В.В. 2013. *Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее*. М.: Институт востоковедения РАН. 526 с.

Новосад Т. 2019. Механизмы принятий решений в ЕС: современные тенденции. — *Современная Европа*. № 3. С. 190-196. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019190196>

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара. 480 с.

Панов П.В. 2006. Институциональные трансформации. — *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России*. Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН. С. 64-74.

Пантин В.И. 2019. Политические размежевания и расколы в современных обществах. — *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 20. № 3. С. 28-40. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-28-40>

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+. 456 с.

Патрушев С.В. 2019. Институционализм и неинституционализм. — *Современная политическая наука: Методология*. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс. С. 101-137.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении*. М.: РОССПЭН. 168 с.

Пивоваров Ю.С. 2015. *Русское настоящее и советское прошлое*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга. 336 с.

Реструктуризация политического ландшафта европейских государств. 2017. Под ред. В.Г. Барановского, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН. 69 с.

Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. Под ред. Ф. Лукьянова. 2015. М.: ЭКСМО. 384 с.

Семененко И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ресурсы, европейский контекст. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Стрежнева М.В. 1999. *Европейский союз и СНГ: сравнительный анализ институтов*. М.: МОНФ. 265 с.

Яковлев П. 2017. “Фактор Трампа” и меняющийся облик глобализации. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 7. С. 5-14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-5-14>